

Ульяна
Берикелашвили

Лаэрен

сны затонувших

Ульяна Берикелашвили
Лаэрен. Сны затонувших

«Издательские решения»

2015

Берикелашвили У.

Лаэрен. Сны затонувших / У. Берикелашвили — «Издательские решения», 2015

Странная история о странном месте под названием Лаэрен, населённом странными персонажами, которые играют в не менее странные игры – ЖЕСТОКОСТЬ, ИНФАНТИЛЬНОСТЬ, ОДИНОЧЕСТВО. И в этот мир попадает наша героиня, которой предстоит создать свою игру – ИСТИНУ – и понять, так ли необычны окружающие ее или просто скрывают то, что хочет скрыть любой, вычеркнуть из своей жизни. У каждого свой мир. Своя история. Откройте для себя Лаэрен.

© Берикелашвили У., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Соби	6
Котовски	8
Арис	11
Велиар Миттеру	14
Заснеженный мир Руминистэ	18
Розы Велиара	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лаэрен
сны затонувших
Ульяна Берикелашвили

© Ульяна Берикелашвили, 2015

© Дмитрий Лир, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Соби

Был обыкновенный рождественский вечер. Серый, невзрачный, пропитанный запахами корицы, яблочных пирогов и городской канализации. Прохожие, словно запутавшиеся в своих коконах яркие бабочки, спешили навстречу празднику.

А она бежала сквозь слёзы через парк. Сквозь серые угрюмые деревья, не разбирая дороги. Падала, снова поднималась. Бежала, сбивая прохожих.

Она уже и не понимала, а может быть, и не помнила, почему, куда, отчего пытается убежать. Просто мчалась вперед.

«Лишь бы подальше...»

Странная боль переполняла её. Колкая, грязная – она словно стала Её сутью. Не выдержав этого, настоящая суть ушла на дно сознания...

В глазах потемнело. Запнувшись о гнилой ствол дерева, она плашмя упала на грязный снег. Лицо её погрузилось в ледяную воду, проломив тонкий лёд, сковавший лужу.

Пара неосознанных вдохов в поисках живительного воздуха и она уснула.

Навсегда.

Навсегда?

Что-то мне говорило, что это не так. Жмурюсь от боли и приподнимаюсь. Руки уперты не в холодный снег, а в ровную гладкую плиту.

Где я?

Дома?

Нет... в моей комнате – ковролин, да и вряд ли я не добралась до постели...

Открываю в легком испуге глаза и...

Сознание замирает в непонимании.

Чёрное обсидиановое пространство окружает меня. Ровная безразмерная монолитность камня под ногами и тёплый бархат воздуха.

И сквозь пелену темноты я слышу шорох.

Чьи-то шаги.

– Напилаaaaa я пьяна, не дойдуuuuu я до домуuuu! – странно знакомые слова в темноте.

Прыжок, лёгкий смех и я беспомощно осознаю, как велико, как безразмерно это пространство.

– Довелааааа меня тропка дальняя до вишнёвого садааааа!

...старая... это... это какая-то безумно старая и знакомая песня!

«Песня...» – думаю я – «Какое то странное, но слово»

И уже во второй раз задумываюсь. В голове такая же тьма, как и вокруг. Мысли приходят не спеша, сбивчиво. И обидно оттого, что я тут же забываю, что значит то или иное...

Я что-то забыла, потеряла...

Но что?

Отбросив все, настраиваюсь на восприятие голоса. Это мужчина....Это явно мужской голос. Хриплый, немного надломленный... сексуальный.

– Ты скажи-кааааа мне, Расскажи-кааааа мне, где мой милый ночууууует.

– Эй, кто ты? – кричу я в темноту, обрывая незнакомца.

– Ну-у... вот, всю песню испортииилаа! – капризно протягивает он и тут же удивлённо вопрошает – Девчонка?!

Он умолкает и вокруг снова восстанавливается тьма. Но почему-то не покидает ощущение, что он... рассматривает меня!

– Ууууу, ещё одна! Нам что, с Велиаром тут вдвоем всю жисть...

– Велиар?! Ещё одна?! – недоуменно шепчу я. Делаю шаг навстречу голосу и... слепну под натиском яркого света...

Когда резь прошла, и глаза привыкли к яркому свету, я обнаруживаю следующую картину – на меня был направлен мощный театральный прожектор. И не один. Кольцом они окружают меня, забивая пространство вокруг ядовито-желтым светом и чёрными змеями проводов.

И на одном из них сидит ОН. Неровно очерченный силуэт. Гордый... но слегка надломленный...

– Ну-уу, что ууставииилась? – протягивает он, помахивая рукой... Нет, не рукой. Это что-то иное, мягкое... словно бескостное. В недоумении смотрю на это и пытаюсь понять, что же...

– Это хвост, глупая! – восторженно кричит он и спрыгивает с прожектора, изящно и мягко.

Свет уже не такой яркий, как раньше, серебристым облаком окутывал его, а я, завороженная и удивленная, разглядываю странного обладателя хриплого голоса.

...Не знаю, почему я называю его странным...

Первое, что бросается в глаза, это кошачьи уши и хвост. Мягкие, пушистые, серые с чёрными полосками.

– Красивые, правда? – восклицает самодовольно он и, не дожидаясь ответа, подходит ко мне.

– Котовски. Великолепный и очаровательный Я! – Представляется он. – А ты?

Даже не знаю, что ответить. Я? Кто я?! Кто...

Пытаюсь вспомнить и падаю на плиты от боли.

Мне больно, жутко больно. Голова трещит и разламывается. Я всхлипываю и сильнее вжимаюсь в холодный камень. Затем что-то с силой приподнимает меня вверх. Это Котовски, грубо схватил меня за волосы, так что слёзы брызжут из глаз, и тянет вверх, к своему лицу.

– Отпусти, – от обиды уже всхлипываю я и глупо барахтаюсь, бессильная. – Почему бы... тебе не опуститься самому?

– Не хочу. – Мурлычет этот гад, и хватает меня за шею.

Я почти задыхаюсь, мне больно, обидно и я уж забыла про то, что пару мгновений назад я пыталась найти ответ на вопрос, кто же я, как меня зовут...

Котовски хвостом обвивает меня за талию рукой, уже свободной, раздвигает пряди, оголяя мою шею. Я чувствую его тёплое дыхание и замираю.

– УУУ, щас посмотрим, кто ты... все тут такие... А – га, так и знал – восклицает он.

– Соби! Твое имя – Соби!

Котовски

– Вообще – то, первый из нас – Велиар. Жуткий тип, тот ещё персонаж, ты его скоро увидишь... У-у-у, жаль, что не красавчик, но что поделать – сюда чаще всего попадают девчонки... – Котовски сонно потягивается, поудобнее устраиваясь на прожекторе. Его мягкий полосатый хвост помахивает в такт его речи.

– А где мы? – спрашиваю я, расхаживая взад – вперед по темным плитам, перепрыгивая через провода. – И сколько... нас?

Уже мысленно я становлюсь частью этого мира.

Кто знает, может он мне не чужой... может я всегда жила здесь?

Котовски забавно морщится. Его зеленые глазки хитро наблюдают за каждым моим движением. Неестественно грациозно он поправляет русую чёлку.

– Думаешь, я тебе так всё и расскажу?! Наивная! – хохочет он и спрыгивает ко мне. От неожиданности я вздрагиваю и делаю шаг назад.

– Лаэрен. Этот мир зовётся Лаэрен! – чей-то чужой, не Котовски, голосок звучит из темноты и ему вторит какой-то другой... Звонкие удары чего-то знакомого о плиты...

– А-а-а, это ты, малявка! – мурлычет ушастый и щёлкает пальцами. На его жест-команду откликается один из прожекторов и направляет свой искристый желтый свет туда, откуда раздаётся голос.

– Я не малявка! Сам такой, Скотовски! Не забывай, я появилась раньше тебя! Так что малолетка у нас ты.

Теперь я вижу её. Это девочка лети семи, довольно милая, но её лицо словно застыло в странной ухмылке. Уже позже я поняла, почему. Левый глаз её был белесовато-серебристый в отличие от правого зеленого. Волосы её, огненно-красные, кудрявым облаком опускались до плеч. Множество вплетенных разноцветных кос и бусин придавали некоторую дикость её причёске.

Ничего похожего на ушки Котовски я не нашла. Единственное, что объединяло их, так это перчатки. Длинные, до локтей – они были надеты и на руки ушастого, и у Малявки.

Но это не означало, что малышка лишена собственной «изюминки» – огромная накладная грудь, немного неровная и бугристая. Видимо, девочка выкладывала её прямо в лиф платья и из всего того, что попадалось под руку.

А стук... стук издавал небольшой розовый мяч, непринужденно отбиваемый детской ладошкой.

– У тебя салфетка выпала, грудастая! – Котовски ехидно указал на белое пятно у её ног. Девочка и бровью не повела, нагнулась и отправила салфетку обратно в лиф. Попутно, почти незаметно, она бросила мяч в ушастого, и теперь он морщился от удара в левое плечо.

– Дурак! Сколько раз можно попадаться! – улыбнулась девочка.

– Зачем пришла? Звали что ли? Сидела бы в своем мирике! – бушевал Котовски, но почему-то эта его ярость показалась мне заученной.

– Мне скучно... и притом, я почувствовала новенькую! – девочка вприпрыжку подбежала ко мне и протянула ладошку. Я хотела было пожать её, но зря доверилась – девочка ударила меня мячом в солнечное сплетение. От резкой боли тело согнуло пополам, и я словно поклонилась жестокой малышке.

А та отвела мои волосы в сторону и провела пальцем по голой шее.

– Соби. – прошептала она. – Забавное имя, но лучше, чем у Скотовски!

– Я Котовски, сопля! – взревел он и хотел было пнуть мою обидчицу, но – увы – растянулся на плитах. Девочка, явно ожидая подобное, отскочила в сторону.

Упал он лицом вниз, прямо у ног стоящей буквой «г» меня. Русые волосы его разметались и я отчётливо увидела на его шее чёрные, словно обугленные, буквы его имени.

«КОТОВСКИ»

Имя не украшало его. Оно уродовало.

Словно выжженное, что-то чужое, инородное.

...Клеймо.

Я в ужасе выпрямилась, оторвав взгляд от его шеи, и переступив через Котовски, схватила девочку. Грубо развернула её, обнажила шею, откинув красные волосы.

– Неет, не надо! Не люблю! – пищала она в испуге и кусала острыми зубками мою руку. Мяч её одиноко бился в истерике в стороне.

Да. И здесь, на её маленькой тонкой шее чернел жуткий шрам – имя.

«АРИС»

— Значит, и у меня такой же... — Я свободной рукой, ещё не веря, провожу по собственной шее свободной рукой и сквозь тонкую ткань перчаток чувствую грубую корочку спёкшихся букв.

Арис, всхлипывая, вырывается и теперь стоит неподалеку в темноте, спиной ко мне, зло отпинывая мячик.

– Во, блин, познакомились, – заключает Котовски. Он уже сидит на любимом прожекторе и покачивает ножками в ярко – зеленых сапогах.

– Что, получила, малявка?! Так и надо тебе, тля депрессивная! – забавляется он, уже уворачиваясь от розового мяча.

Арис злобно косится на меня. Серебристый левый глаз пугающе начинает светиться в неясной темноте, отчего я невольно внутренне сжимаюсь в комок.

– Он мёртвый. Я слепа на это глаз, – пищит Арис, заметив мои эмоции.

– Почему?

Котовски и девочка лишь весело рассмеялись в ответ.

– Аааа пооочемуу, а почеееемуу был кто-то там зииилённый? – корчит рожицы ушастый и прыгивает наземь. Проекторы гаснут, и на минуту становится темно и... страшно.

Я стою на месте, пытаюсь понять происходящее. Но снова меня слепят лампы, и я жмурюсь от неприятной слабой боли. Арис заливается хохотом, показывая пальцем за мою спину, а я, развернувшись, тупо замираю.

Самый лучший способ избавиться от ответа – задать встречный вопрос.

Или подкинуть его...

Что и сделал Котовски. Я забыла про мертвый глаз Арис. Потому что за спиной – зеркало.

В зеркале – я.

Худая, нескладная, бледная. Рыжие волосы рваными прядями, огромные голубые глаза, оба живые. Ушки не кошачьи, хвоста тоже не наблюдается.

Испуганно улыбаюсь, и отражение тоже улыбается мне. Машет рукой в черной перчатке до локтя, поправляет серую майку, немного широкую. На шее – чёрный длинный шарф, на ногах – узкие чёрные брюки, из-под которых выглядывают чёрные ботинки...

...БОТИНКИ...

...на минуту вспоминаю, как бегу по чему-то белому и падаю...

Кто же я?

...Соби...

...Соби?

...Соби!

Зеркало тем времен исчезает и в раме остается Котовски. Он забавно машет хвостом и подмигивает мне. Становится в величественную позу и замирает в раме. Словно картина.

Арис тычет меня и шепчет:

– Мы должны аплодировать ему, Соби!
Ни обиды, ни шипения в её голосе. Растерянно аплодирую и Котовски «отмирает»
– Это у нас ИГРА такая! – показывает он куда-то вдаль. Я оборачиваюсь и замечаю среди прожекторов огромное количество картинных рам.
– Это мой МИРИК, – шепчет ушастый в восхищении.

Арис

– Мирик? Что это? – спрашиваю я, почему-то не надеясь на ответ. Котовски бежит от рамы к раме и замирает.

Каждый раз мы с Арис аплодируем ему, а Котовски заливисто хохочет.

– Ты говорила, это у вас ИГРА такая? – обращаюсь я к девочке, а та деловито поправляет свою «грудь».

– Красивая? – в ответ Арис спрашивает у меня про свою бутафорию, словно не слыша моего вопроса. – Я всегда любила большую грудь... Всегда...

Она печально улыбается, будто вспомнила про что-то. Я начинаю злиться, каждый раз оставаясь без каких-либо ответов. Автоматически аплодирую Котовски, замершему в новой позе.

– Ну, всё, устал... – заявляет ушастый и подбегает к нам. – А сегодня веселее играть! Посмотрите, как заискрился мой мирик! Со времен Руминистэ подобного не было!

Арис кивает, а я, окончательно запутавшаяся в происходящем, уставилась на Котовски.

– Да объясни ты ей уже, а то я устала! Ты мне тогда ещё все нервы вымотал. – Пищит Арис, привычно кидая в него мяч. Ушастый увернулся от удара и запрыгнул с нарочитой легкостью на прожектор.

– Это – мое пространство в мире Лаэрен, – театрально начинает он.

...смотрю на него с блаженной улыбкой, будто меня месяц водили по пустыне без капли воды и теперь вывели к реке...

– Лаэрен поделен на пространства, в каждом из которых есть «желец». Жильцы появляются неожиданно. На данный момент, ты – седьмая, кто появился *ОТТУДА-НЕИЗВЕСТНО-ОТКУДА*.

– А что это – ОТТУДА? – спрашиваю я, но Арис шикает, дает понять, что неуместно задавать вопросы, когда Котовски в образе.

– Мой мирик зовётся Картинным мириком Котовски и, как и любой из пространств Лаэрена, нуждается в подкормке. Это эмоции, мои эмоции, – здесь Котовски кланяется нам и продолжает. – Каждый мирики его хозяин холит и лелеет. И иногда мы собираемся все вместе и устраиваем массовую «кормёжку», как сейчас, к примеру, вы аплодировали мне. У каждого своя ИГРА.

– Играют все, кроме Велиара. – уточняет Арис. – Он не любит отчего-то играть с нами. Наверное, потому, что он первый появился из ОТТУДА-НЕИЗВЕСТНО-ОТКУДА...

– Мы думаем, что его игра – АДИНОЧИСТВА. Он так называет её сам. Мы, право слово, не знаем, как в неё играть... – шепчет Котовски.

– АДИНОЧИСТВА... – странно, но это слово... это название словно знакомо мне, хоть и исковеркано Арис.

Одиночество.

Котовски слегка касается меня и продолжает только тогда, когда убеждается в том, что слушаю.

– Моя ИГРА называется НАРЦЫСЫЗМ. Это Велиар так непонятно назвал её. Это вообще он дает всем названия...

– А мою он назвал ещё страннее, – ухмыляется Арис. – ИНФАНТИЛЬНАСТЬ... И не понять. Я вот сколько раз спрашивала Велиара, что это означает, а он всё молчит.

– Угу. И про мой тоже.

Только теперь я замечаю, что мирик Котовски стал как-то ярче, чище, чем был. Это потому, что мы играли, давая новые эмоции ушастому.

– А твой мирик, где он? – оборачиваюсь я к Арис. Девочка улыбнулась и подмигнула Котовски.

Тот достает из кармана старых серых джинс небольшой предмет и раскрывает его. Это зеркало, немного потрёпанное и поцарапанное. Котовски целует свое отражение и убирает зеркало обратно:

– Что ж, пошлите по гостям. Всё равно Соби надо со всеми поиграть.

Ушастый догоняет Арис – в это время она отошла в сторону и теперь стояла неподалеку у серой матовой плиты, хотя в мире Котовски все плиты были чёрные и глянцевые.

– Это вход в мой мирик. – Арис ударяет мячом по серой плите и та загорается серебристым светом. – Мяч – это ключ. Я всегда с ним.

Девочка шагает в свет и протягивает руку. Я следую за ней.

На мгновение закрываю глаза в страхе перед неизвестным, и некоторое время меня не покидает ощущение, что я падаю. Более ничего.

Я открываю глаза.

И вижу лишь свет. Делаю шаг и выхожу из него в мирик Арис. Следом за мной Котовски.

В отличие от мирика ушастика, куда я попала из ОТТУДА, мирик её был меньше и уютнее. Всё его пространство было заполнено розовыми светильниками всевозможной формы, плюшевыми игрушками, куклами и шарами. В воздухе витал запах карамели и ванильного мороженого.

Запахи... такие знакомые запахи...

бег... истерия... боль... головокружение... удар...

Морщусь от непонимания и тут же всё забываю. Даже запахи становятся незнакомыми.

Арис уже сидит на полу и обнимает большого зеленого слоника. Протягивает мне его плюшевую лапку:

– Соби, познакомьтесь. Его зовут Чайник! – малышка хихикает довольно и затем кричит так, словно не видела нас с Котовски долгое время. – Ну что же вы так долго?! Давайте играть!

Котовски полез куда-то в кучу игрушек и через некоторое время раскопок извлек старенький поломанный паровоз.

– Ту – ту! – весело пропел он и начал возиться с железной дорогой.

Так понимаю, что и мне нужно выбрать игрушку. Тянусь к огромной кукле с изрезанным личиком, но Арис останавливает меня:

– Это кукла Лукреции... Она не любит, когда её трогают чужие. За это она бьёт куклу. Или учит.

– Чему учит? – заинтересованно спрашиваю я, но как всегда, мой вопрос остается без ответа.

Арис дает мне розового медвежонка Пухастика, и я усаживаюсь рядом с ней.

Я играю в ИНФАНТИЛЬНАСТЬ. В игру мирика Арис. И мирик вокруг нас становится ярче, каждая вещь словно светится изнутри. Даже у куклы Лукреции исчезают порезы, и изодранное платье становится целым.

Я смеюсь, играя с мишкой. Арис нянчит слоника. А Котовски, отбросив паровоз, нервно чешет за кошачьим ухом:

– Хватит играть... Соби пора к Велиару за собственным мириком. А то вдруг она исчезнет, как...

– Как Златовласка?! – восклицает Арис и плачет – Нет, не хочу... Я уже подружилась с Соби!

Котовски успокаивает прижавшуюся к нему девочку, подавая салфетки из её же набивной груди, и грустно смотрит на меня.

– Златовласка была еще до Руминистэ. После меня, – как будто ставит он временные рамки для моего понимания. – Она была очень красивая. Я даже простил её за то, что она была девушка.

На какое то мгновение он замолкает, и я вижу в его зеленых глазах боль. Странно видеть его таким.

– Это моя вина, что Златовласка исчезла. Хотя Велиар говорит другое... Он говорит, что она вернулась в ОТТУДА-НЕИЗВЕСТНО-ОТКУДА. Чтобы БЫТЬ... Но я не верю ему...

– Котовски помог ей создать свой мирик, очень красивый мирик, – всхлипывает Арис. – Мы часто играли в игру Златовласки – ПАЦЫЛУИ, смешно так было! Лукреция правда не играла с нами в неё, она боялась. А потом...

Котовски зажал рот Арис рукой в болезненной судороге, достал молча свое зеркальце и, раскрыв его, показал содержимое. На одной из половинок лежало маленькое сердце в виде замка:

– Ключ Златовласки... Я коснулся его, нечаянно, и она исчезла. Растворилась. А мирик стал серым и каждая вещь...

– Превращалась в пепел. – Закончила Арис за него.

Стою и молчу, наполненная непонятной тоской и непониманием. Лаэрен с его загадками не находит отклика в пустоте моей памяти.

Абсолютно новые знания. Значит ли это, что я – не часть Лаэрена...

– Велиар говорит, что исчезают все. Что так же исчезли все те, кто был до нас. – Арис недовольно пинает мяч. – Но он врёт. Он самый первый здесь и поэтому врёт...

– Я ведь не исчезну! Правда, Котовски? – прижимается ещё крепче она к нему и замирает. В мирике Арис тишина.

И мне страшно от всего, что происходит. Мне страшно от того, что всё может исчезнуть.

И мне страшно оттого, что так мало знаю.

Котовски берет меня за руку и шепчет:

– Пора к Велиару.

Велиар Миттеру

Загорелась уже знакомо серая плита, и Котовски стукнул по ней ногой.

– Нам туда нельзя. Ты одна должна идти. А потом он вернет тебя, – он хватается мне за руку и резко разворачивает, толкая в свет.

– До свидания! – кричат они мне.

Я уже не видела розового мирика Арис. Один лишь свет, серебристый свет, как слепой левый глаз малышки.

И вот.

Я уже в нём. В мирике первого, кто появился здесь...

В мирике того, чья игра зовётся Одиночество.

Но он совсем не такой, каким представила себе его я.

Огромное, прозрачно – голубое небо надо мной, белые пушистые облака. И огромный цветущий сад.

«Яко вертоград во цветении...»

Я даже не попыталась понять собственное воспоминание. Лишь продолжала любоваться...

Розы, везде розы. Только они царят в этом саду, в этом мирике. Белые, красные, розовые, серебристые... даже угольно-чёрные...

«Таких не бывает»

Безумно красивые, дурманящие изгороди роз... И одинокая фигурка вдалеке среди них. Это он, Первый... Я иду к нему через лабиринт кустов и попутно замечаю, что некоторые цветы запачканы кровью...

Свежей кровью. Её пятна то здесь, то там алеют на лепестках.

Но мне всё равно.

Может, так и надо.

А Велиар всё ближе. Я любопытно разглядываю его. Худощавый, чуть выше меня, в старой залатанной ученической форме... Смуглый... Длинные чёрные волосы, забранные в косичку, и серебристые слепые глаза Арис...

Он слеп?! Но он же смотрит прямо на меня...

В смятении подхожу к нему и разворачиваюсь, оголив шею.

– Соби. – Произносит он, даже не касаясь. Так он...

– Я не слеп. Зря ты так думаешь, – голос его бархатист и спокоен, как его розовый сад. Он щёлкает пальцами и рядом с нами появляется беседка. Белая, просторная. Обвитые зеленью колонны, столик со странными приборами и пара кресел.

– Давно у нас никто не появлялся... – Велиар задумчиво разливает по чашечкам ароматную жидкость. – Это чай. Я думаю, он тебе знаком...

Делаю глоток и понимаю, что... когда-то я любила его.

Когда-то?!!

– А ты странная.

Обжигаясь, я в спешке делаю глоток:

– Страннее Арис и Котовски? Не смей!

– Явно не по своей воле здесь... Тогда бы ты... – он ухмыляется и медленно отпивает. – Соби... Почему ты взяла себе это имя?

– Я? Знаешь, я смотрела один мультсериал, и там был такой персонаж. Непонятный, одинокий, странный... Вот я и... – В ужасе от собственных слов я зажимаю рот руками. Велиар не обращает на меня внимания. Смакует свежесваренный чай и молчит.

Через мгновение я забываю всё...

– Мне нужно создать свой мирик? – шепчу я, а Велиар только кивает головой. Серебристые глаза его наполнены непонятной грустью. Словно он жалеет о чём – то...

– Но как? Я же не знаю!

– Это просто. Найди ключ. Как у Арис, как у Котовски. Как у меня. – Велиар взглядом указывает на маленькую женскую брошь в виде розы. А я смотрю на его руки. Только сейчас я замечаю, ни разу не видела его ладоней. Они постоянно спрятаны – либо в карманах, либо в рукавах...

– Так надо. Потом поймёшь. Ищи. – В ответ на мои мысли улыбается Велиар Миттеру.

Словно во сне я провожу рукой по собственной одежде, начинаю исследовать карманы и уже скоро нахожу то, что будет моим ключом.

Это брелок, довольно крупный. Серый медвежонок в полосатом шарфе. Улыбка на его мордочке, чёрные глаза – бусины – всё его существо было пропитано наглостью и сумасшествием, в чём я убедилась несколько позже.

– И это безобразие – мой ключ?! – недовольно рассматриваю медвежонка, и на мгновение мне кажется, что он показал (!) мне (!) язык (!). В ужасе смотрю на Велиара, заметил ли он...

Серебряные глаза пусты.

Велиар кивает и подходит ко мне. Обнимает, а руки его всё также спрятаны в рукава... Прикасается губами, ледяными губами своими к моим губам, а я плачу...

– Это поцелуй...

Я помню... вернее, это помнят мои губы...

Велиар касается моего имени – шрама на шее и замирает:

– Твоя игра – ИСТИНА. И не переврать ЕЁ тебе.

Он печально смотрит, и его серебряные глаза начинают темнеть, изнутри наполняться теплом орехового дерева...

– Неужели дождался? – ухмыляется Велиар Миттеру, поднимая меня на руки.

– Чего? – спрашиваю я, и в испуге прижимаюсь к груди. Первого в мире Лаэрен, боясь ответа. Он же, не замечая слёз, подносит меня к серой плите и ставит в центр.

Глаза медвежонка безумно загораются и...

Легкий хлопок и я в нетерпении открываю глаза.

Я посреди комнаты, большой и просторной. Ни одной двери, лишь единственное огромное окно, а за ним странный город. Серый, грязноватый... неудобный.

Что-то во мне болезненно стонет и я, всхлиывая, закрываю шторы. И словно во сне продолжаю изучение моего мирика.

Дерево везде... У окна стоит кровать цвета вишни, заправленная чёрным покрывалом. Рядом темно-ореховая этажерка, заваленная плюшевыми игрушками. В тон ей письменный стол, на нем зеленая лампа и ворох белой чистой бумаги. Напротив изящный низкий столик в окружении чёрных бархатных подушек.

...и мягкое удобное кресло, обитое красной шелковистой тканью с драконами. Яркое пятно, не вписывающееся в общее настроение комнаты...

И везде картины. Разных размеров и на разные темы. Гуашью, акварелью, маслом. Я насчитала их около двенадцати...

И лишь одна стена, та, что напротив окна, пуста. Огромное белое пятно. Ровная монолитная поверхность. И ничего более. Я хотела было разместить на ней пару картин, но, как оказалось, сделать это было невозможно. Рамы сидели, словно влитые, отсутствовало даже пространство между полотном и стеною.

Оставив всё как есть, я сажусь за письменный стол. Ладонью провожу по приятной и тёплой столешнице, чувствую смолянистый аромат... Складываю бумаги в стопку, аккуратно разглаживаю и начинаю писать.

Огромными буквами заголовков. «ЛАЭРЕН»

Номер первый. Велиар.

Велиар Миттеру. Первый в Лаэрене. Кровь на розах. Печаль в поцелуе.

Далее только имена, собранные за это безумное время. Без нумерации. Цифры я ставлю позже.

Когда разберусь, что к чему.

Лукреция, Арис, Златовласка, Руминистэ и Котовски.

И я. Соби.

Я последняя, стало быть седьмая... До меня Руминистэ. Златовласка была до неё, но после Котовски... Эээх, тяжело мне даётся понимание с таким вот «обилием» информации.

Так, всё-таки проясняется немного... Остается только понять, кто раньше появился: Лукреция или Арис?

Убираю список в сторону и задумчиво смотрю на белую стену.

Это мой МИРИК.

Но меня не интересует ничего в нём, разве что эта стена...

Моя игра – ИСТИНА.

Но как играть в неё?

Я снимаю ботинки и забираюсь на кровать. Неловко отодвигаю плотную ткань тёмно – зеленых штор в сторону и с подушкой сажусь на подоконник.

За пыльным стеклом – город. Живой, странный и знакомый. Я смотрю сверху вниз на грязноватый дворик.

И там, где-то внизу, идёт девушка, прижимая к груди бледными руками пакет. Я любопытно разглядываю её, единственное живое существо в городе за окном.

Кто она?

Не знаю...

Кто она для тебя?

Не помню...

Чёрное пальто, зелёный шарф, дурацкая шапка – ушанка. Желтоватые, по грудь волосы. Бледное размытое лицо. Запотевшее стекло не дает мне разглядеть её...

Я вижу её растерянное лицо и в шоке понимаю, что она так же смотрит на меня.

И тут, словно тоже испугалась, она бежит прочь, прижимая крепче пакет, и кричит...

И до меня долетает эхо её крика. И мне становится больно оттого, что я слышу...

«Ты же умираешь! Я же предатель! Убийца!» – вот что она кричит.

А перед моими глазами её лицо, маленькое, растерянное, в серых дужках оправы – она носит очки. Словно её лицо навсегда запечатано в моей памяти.

В боли моё сознание плавится, и я падаю на кровать, чтобы свернуться клубочком и плакать.

Голову разрывает что-то изнутри, темное и пульсирующее.

Я запуталась в самой себе.

Прихожу в себя от прикосновений. Рядом со мной лежит Велиар и гладит меня по руке, успокаивая. Мирик заполнен ароматами роз и свежесваренного чая.

Я крепче прижимаюсь к нему, как к последней надежде на понимание, и шепчу.

– Мне больно, Велиар... Когда-нибудь... я найду себя настоящую?

Он лишь кивает.

А потом он уходит, оставив меня одну. Я уже спокойна, большинство воспоминаний спрятались в темноте, и мне хочется одного.

Я хочу увидеть Арис и Котовски.

Я соскучилась по ним.

И я не хочу быть здесь... В моём странном, непохожем на все, мирике. Какие бы я эмоции не испытывала, он не искрится и не бледнеет.

...ведь моя игра – истина...

И я докопаюсь до неё...

А пока я допиваю чай и думаю про то, что мне делать дальше. Достаю Элвиса – так я назвала свой ключ – медвежонка – и смотрю в его наглые глазки. Этот серый ужас оказался живее всех живых, и вы представить себе не можете, как я «рада» быть обладательницей одушевлённого ключа.

– Что, пойдём к твоим родственникам по разуму? – шепчу я, замерев на серой плите. – Арис.

Секундное падение и вот, я уже в розовом мирике малышки с набивной грудью.

Она и Котовски так и сидят, играя в куклы. Увидев меня, Котовски нервно машет хвостом и заявляет:

– Чего-то ты быстро!

– Видимо, у Велиара было плохое настроение! – хохочет Арис – Или ему просто не пришлось успокаивать её, как некоторых. А потом спастись бегством от благодарных поцелуев...

– На что ты намекаешь, мелочь?! – рычит Котовски, а я заливаюсь смехом.

Как же я по вам соскучилась...

Заснеженный мир Руминистэ

– А ты ещё не построила свой мирик? – вопрошает Котовски. Я лишь киваю головой. Малышка подбегает ко мне и теребит карман, в котором спрятался Элвис.

– Ой, а он меня за пальчик дёрнул... сам! Я честно не трогала! – в ужасе отпрыгивает малышка и на её глазах выступают слёзы, она боится...

...что сейчас я исчезну, как Златовласка.

Элвис барахтается в кармане и просится наружу. Я сажу его на ладонь, и он весело жмурится Арис.

– Соби не исчезнет? – сквозь слёзы шепчет малышка и, когда медвежонок кивает, радостно разливается хохотом.

– Соби, какой здоровский у тебя ключ! Его можно трогать и ты не исчезнешь!

Смотрю на Котовски. Он стоит поодаль и прижимает к себе сердечко Златовласки. Погруженный в свои воспоминания, он не слышит ничего, кроме тишины.

– Ничего, это у меня просто ключ ненормальный.

– Я всё бы отдал, чтобы и у Неё был такой ключ...

Арис печально смотрит на ушастого и бросает в него мяч со всей силой, что есть в её хрупком теле.

– А ну, соберись! Ты чего расклеился? Был – не был... Уже ничего не изменить! – гневно рычит она. – Нам пора к Рум, показать её Соби. А то не успеем до заката...

Котовски, жмурясь от боли, дает малышке такую затрещину, что у той звезды из глаз посыпались, наверное.

Ну вот, пришёл в себя...

Спустя мгновение мы все трое оказываемся в мирике той, кто появился до меня. В мирике Руминистэ. Это – огромный лес, дикий спящий лес. Всё вокруг серое и размытое.

Здесь всегда зима и идёт снег.

Смотрите, это она! – пищит Арис и показывает вдаль. На снегу, спиной к нам, сидела девушка. В белом, с розовыми разводами – брызгами, длинном платье.

Подойдя ближе, я увидела, что эти розовые пятна были везде – на примятом снегу вокруг, на её длинных золотистых волосах, на её теле.

Руминистэ жадно урчала, словно смаковала что-то, и через некоторое время сплюнула в сторону свежееобглоданную кость

Мне стало дурно.

– Не подходи к ней близко. Она жрёт, – предупредил меня Котовски и стал искать место, чтобы присесть.

Арис силой наклонила меня к себе и прошептала:

– Нельзя её сейчас тревожить. Это игра такая – Жестокость. Вот она и играет в неё одна, кроликов ловит и ест.

Я отошла от Арис и сделала небольшой круг вокруг Руминистэ. Присев на сломанное дерево, я принялась следить за каждым её движением.

Не замечая нас, она продолжила есть, сидя на снегу. По бледным рукам её стекала кровь. Вниз, с окровавленной разодранной тушки. Примятый снег вокруг и клочки розово-серой шерсти говорили о том, что Руминистэ поймала кролика сама, чем была несказанно довольна.

Розовые кишочки она оборвала и, обнюхав, выкинула. Почистила тушку снегом и вырвала небольшой кусочек острыми зубками. При всём этом она мило улыбалась и что-то напевала...

– Ну, всё! – вдруг сказала она, посмотрев на меня. – Я наелась!

Глаза у неё были пронзительно синие, такого яркого и сочного оттенка, что голова кружилась. Такое ощущение, что смотришь в небо...

Руминистэ бросила в сторону то, что осталось от кролика, и встала.

– Ты бы хоть рот вытерла! – прошипел Котовски, и девушка послушно выполнила его просьбу – вытерла рот подолом белого платья. Розовые пятна кроличьей крови исчезли, и теперь сияющая Руминистэ улыбалась мне. Ангелоподобная Руминистэ.

– Новенькая? – она подошла ближе и, приобняв правой рукой в белой перчатке, развернула меня к себе спиной. Я уже привыкла, как здесь знакомятся.

Прочитав имя, она рассмеялась и, откинув свои длинные, до середины бёдер, волосы, оголила шею.

И опять, тот же чёрный шрам – Руминистэ. Словно выжженное клеймо. Я коснулась его, знакомясь с ней, и отошла робко в сторону. В отличие от остальных, эта девушка пугала меня, но раз уж такова её игра...

– Соби, а ты уже создала свой мирик? – улыбнулась мне хищно ангелоподобная, и всё её очарование подёрнулось плёнкой безумия. Думается мне, одного кролика ей явно было мало.

– Кролик! – взвизгнула Арис, и показала куда-то в сторону. Руминистэ дёрнула носиком, словно зверек, и помчалась за видимой только ей добычей. Быстро, отрывисто она через некоторое время догнала новое животное и перегрызла ему глотку. Мы же, словно зачарованные, молча наблюдали за её охотой.

– Пошли отсюда, а то и нас сдуру загрызёт. – Арис уже ступила на уже знакомую серую плиту.

– Солнце заходит, Руминистэ в такое время может и нами полакомиться... – Арис исчезла, не договорив. Котовски толкнул меня на плиту.

– Скорее, времени мало... завтра утром вернёмся.

Мимолетное падение и вот, я одна. В собственном миреке.

Остальные, видимо, тоже разбежались по своим. Не будем их тревожить.

Я не чувствовала движения времени, я то вспоминала, то забывала о нём. Сделав пару заметок о Руминистэ и её игре, я налила себе чашечку чая и села у окна.

За стеклом кружил снег и среди него пятнами чернел спящий город.

Не будем тревожить и его...

Я пила маленькими глотками горячую жидкость, пахнущую жасмином, и смотрела вдаль.

И я знала...

Там, за окном, был вовсе не Лаэрен.

Это был...

Проснулась я от странного хохота. Сквозь остатки сна понимаю, что это кто-то незнакомый. Смех был чуть приглушенный, словно...

Она была в маске. Улыбалась мне нарисованным ртом. Восседала посреди подушек на полу и смотрела на меня сквозь прорези чёрными огромными глазами.

Поправив рукой в чёрной перчатке оборки на шикарном красном платье, девушка снова рассмеялась.

– Лукреция? – пересохшим горлом спросила я. Девушка кивнула и сняла маску.

Под белым фарфором оказалось не менее бледное лицо. Глаза оказались карими, губы – розовыми. По-детски припухлыми. И шрам на правой щеке.

Нет, не имя, обыкновенный шрам. Рваный, грубый... Может быть, его она скрывала под маской?

Безумно красивая и печальная. Лукреция, ещё одна из мира Лаэрен.

В чёрном корсете, в ярком кринолине юбок она казалась невесомой. На вид ей лет семнадцать, а вот глаза говорят совсем другое...

Она младше, чем хочет казаться...

...в отличие от Арис.

Я слезла с кровати, и присела рядом с ней. Нагнув голову, оголила шрам.

– Не надо, я знаю твоё имя... – Лукреция нервно сжала запястья. – Я... давно здесь. Мне нравится, как ты спишь.

Давно?! И она наблюдала за мной, как я похрапывала?

Лицо предательски загорелось.

– Пришла просто... ну... познакомиться, – каждое слово она словно вытягивала из себя, боязливо и осторожно. Будто боялась...

...что кто-то ударит её.

Беру её за руки и осторожно, чтобы не спугнуть, шепчу:

– Никто не причинит тебе боль.

Лукреция, словно испуганная лань, дёргается в сторону и одевает маску.

– Я не люблю общаться, Соби... Я пришла просто...

В воздухе раздался звон. Из портала – плиты вывалилась неразлучная парочка в компании Руминистэ. Я вздрогнула при виде неё, вспомнив про охоту и пожирание кроликов. Но здесь она была другой.

Спокойной... нет, ангелоподобной.

– Ууу, я первая! – закричала Арис, поправляя накладную грудь. Словно проигравшийся, Котовски отвесил ей подзатыльник и что-то передал малышке. Что именно, я не разглядела – Арис быстро спрятала в лиф.

Я улыбнулась им. Наверное, Котовски и Арис – единственные, кто дружат в Лаэрене.

Дружба...

А ведь...

...И я ...когда-то дружила...

Пока, ошарашенная странными воспоминаниями – обрывками, я стою у плиты, Арис подбегает к окну и раздвигает шторы.

И там.

Ничего.

Кроме картины.

Просто картины, на которой изображен лес.

Но... там же был...

Протираю глаза. Нет, не показалось. Города нет, один только холст и нарисованный лес, похожий на заснеженный мирик Руминистэ.

– У-у-уу... – разочарованно протягивает Арис, копошась в лифе. Салфетки от беготни по моему миру выбились наружу и среди них я увидела даже носок.

Девочка закрыла шторы назад и прыгнула с кровати на Котовски, разглядывающего мягкие игрушки.

– Э-ге-гей, лошадка!!!

Ушастый было пытался сбросить с себя малышку, но Арис надежно ухватила за его уши и теперь спокойно направляла Котовски в нужную ей сторону. Руминистэ сидела на чайном столике и, хлопая в ладоши, что-то напевала. Лукреция стояла рядом и перебирала кружева на юбке.

– Лу! Хочешь покататься? – Арис тяжестью своего тела развернула Котовски к девушке и неожиданно шлёпнулась рядом, среди подушек.

– Ах ты, малявка! Все же уши растрепала! – досадовал Котовски, не наблюдая в моём мирике зеркала, а Арис смеялась во весь рот и хлопала в ладоши. Затем стукнула по столу и крикнула:

– Чаю с пи-ро-жын-ка-ми!

В ответ на поверхности столика появился чайный розовый сервис и огромное блюдо с различными сладостями.

– О-го! – горящими глазами смотрела на всё это Арис.

– У тебя Шама луШая игр... – с набитым ртом кричала она, даваясь от счастья.

Руминистэ и Котовски присоединились к ней, а Лукреция направилась к серой плите.

– Я устала. Шумно у вас... – она помахала рукой и исчезла. Лишь Руминистэ успела крикнуть: «Пока, ЛУ!». В то время как смазливые мордочки поедали кремовые заварные.

Я прыснула смехом, увидев их перемазанные кремом рожицы.

– Ждорова у неё, Шкотовски?

– Ага!

Розы Велиара

Когда все ушли, довольные и перемазанные, я приказала столику прибраться, а сама ринулась к окну.

Не может быть, чтобы...

Вместо картины на меня смотрел МОЙ город. Всё тот же серый, спящий, зимний.

Я поудобнее уселась на подоконнике, подложив подушку, и принялась рассматривать. Всё пыталась понять, где же я в нём, в этом странном городе, куда выходило единственное окно моего мирика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.